

**В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ: ПОВОЛЖСКОЕ ФЭНТЕЗИ Ш.
ИДИАТУЛЛИНА**

Савельева Мария Сергеевна

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России»
г. Москва, Российская Федерация

Савельев Александр Владиславович

ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация: в статье на примере романа «Последнее время» татарского писателя Ш. Идиатуллина рассматривается развитие этнической проблематики в современной русскоязычной литературе. В творчестве не только русских писателей Д. Осокина, А. Иванова, но и их татарских коллег – Ш. Идиатуллина, Г. Яхиной – происходит переход от привычного для отечественной литературы контекста своего народа к регионалистскому, от родного к соседскому. Авторы подходят к материалу с междисциплинарных позиций, соединяя инструментарий литературоведения (анализ жанра, литературного и историко-культурного контекста, системы образов, некоторых мотивов) и лингвистики (в первую очередь этимологический анализ собственных имен). В работе дается краткий лингвистический и историко-культурный комментарий к роману Ш. Идиатуллина, позволяющий вписать его в современный национальный дискурс как текст, одновременно выражающий позиции и завоевателей, и завоеванных. Анализ иноязычных слов в тексте позволяет провести параллель между «изобретенными» Ш. Идиатуллиным этническими группами и реальными народами Волго-Камского региона, а также вводит роман в актуальный контекст: в нем остро ставится проблема потери родного языка, а некоторые сцены (такие, как самосожжение жреца Арвуй-кугызы) можно легко сопоставить с эпизодами недавней истории Поволжья. Название романа следует одновременно интерпретировать как в метаисторическом, апокалиптическом ключе, так и в контексте современности – событий, происходивших недавно, «в последнее время».

Ключевые слова: Идиатуллин, Яхина, этническая проблематика в художественной литературе, регионализм, марийский язык, тюркские языки.

IN THESE (END) TIMES: SH. IDIATULLIN»S VOLGAIC FANTASY FICTION

Maria S. Savelyeva

Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Alexander V. Savelyev

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
HSE University
Moscow, Russian Federation

***Abstract:** the paper discusses the development of ethnic fiction in the modern Russian literature, focusing on Shamil Idiatullin»s 2020 novel “Poslednee vremja”. We show that the tendency towards switching from ethnic to regionalist agenda can be observed in the works by both Russian authors, such as Denis Osokin and Alexei Ivanov, and authors having a non-Russian ethnic identity, such as the Tatar novelists Guzel Yakhina and Shamil Idiatullin. We adopt an interdisciplinary approach, bringing together techniques from literary studies (analysis of the genre and the literary situation as well as the historical and cultural context) and linguistics (an etymological analysis of proper names, in the first place). Our commentary on various linguistic, historical and cultural aspects puts Idiatullin»s novel into the discourse of the contemporary ethnic fiction as a text that expresses the positions of both the Conquerors and the Conquered. The analysis of personal names and other words of non-Russian origin that are used in the Russian text allows to identify the fictional ethnic groups with the actual peoples of the Volga-Kama region and places the novel within a present-day context. One of the key themes of “Poslednee vremja” is language loss, and some scenes, such as the self-immolation of the pagan priest Arβuj-Kuyâza, make a clear reference to the contemporary history of the region. The novel»s title can be translated as both “End times” and “These times”; thus, it includes simultaneously an apocalyptic allusion and a hint to the events of the recent past.*

***Keywords:** Idiatullin, Yakhina, ethnic fiction, regionalism, the Mari language, the Turkic languages.*

Введение

Настоящая статья посвящена творчеству Шамиля Идиатуллина, русскоязычного писателя татарского происхождения, известного на федеральном уровне, дважды лауреата премии «Большая книга». При сравнении его романа «Последнее время», изданного в 2020 г., с другими современными текстами на национальную тему становится понятно, почему российская (и в первую очередь столичная) литературная среда с большим трудом расшифровывает некоторые послы современной литературы о миноритарных народах нашей страны.

«...Очень экзотично, ярко, жестко, кинематографично, но – все равно малопонятно», – читаем в одном из отзывов на роман¹. Критики сошлись в том, что книга выпадает из привычных схем, расходясь лишь в том, сделано ли это намеренно в соответствии с общей потерянной героическими и смысловыми² или является недоработкой автора³. На наш взгляд, неопределенность на уровнях построения сюжета, позиций героев, правил функционирования художественного мира становится художественным принципом этого постмодернистского по своей сути текста [Савельева, 2022, с. 293]. Цель настоящей статьи – предложить новый способ прочтения романа через призму современной этнической проблематики.

Методы исследования

В настоящей работе исследуется творчество писателя

Авторы используют междисциплинарный метод, соединяя инструментарий литературоведения (анализ жанра, литературного и историко-культурного контекста, системы образов, некоторых мотивов) и лингвистики (в первую очередь этимологический анализ собственных имен).

Результаты исследования и их обсуждение

Роман «Последнее время», как уже было отмечено критикой, выделяется на фоне классического «высокого» фэнтези, в контексте которого был ею прочитан. Отдельные пересечения этот текст обнаруживает с движением «новых странных» (new weird) авторов в англоязычной фантастике. Явно повлиял на Ш. Идиатуллина жанр темного фэнтези в его постмодернистском изводе, представленном, например, в «Ведьмаке» А. Сапковского. Некоторые особенности стиля («...надо было вот прямо сейчас собрать и заготовить выпростанное земным нутром»), раскованный эротизм, сочетание черт животных и людей в одном образе, заведомо рассчитанные на недоумение реалии («пророщенное молоко», «земляные речки», походы по дну водоема) напоминают о манере Д. Осокина и отчасти В. Сорокина.

С точки зрения содержания в романе прежде всего бросается в глаза тема межнационального противостояния, которое связано с центральными персонажами мары (в них легко угадываются марийцы) и неназванными прямо завоевателями-кочевниками. Апокалиптический сюжет, тема краха национальной культуры и «последнего времени», вынесенная в заглавие, черты боевика роднят этот текст с романом А. Иванова «Сердце Пармы» (2003), а также с раннесоветским и до-революционным контекстом национальных литератур. Так, только недавно на русский язык был переведен без купюр и смягченных выражений рассказ классика чувашской литературы М. Сеспеля «Дети леса» (1918), в котором трагический конфликт чувашей и русских показан, можно сказать, в духе вестерна⁴. Ав-

¹ Чанцев А. Случилась экология // Textura. 2020. 16 сентября. URL : <http://textura.club/sluchilas-ekologiya/> (дата обращения : 31.05.2023).

² Галина Юзефович о романе Шамякина Идиатуллина «Последнее время» 2020. 13 октября. URL : <https://meduza.io/feature/2020/09/19/poslednee-vremya-i-neuchtennaya-planeta-dva-rossiyskih-romana-v-kotoryh-proishodit-cto-to-fantasticheskoe> (дата обращения : 31.05.2023).

³ Пустовая В. Шаманский аперитив // Дружба народов. 2021. № 1. С. 254–261.

⁴ Сеспель М. Дети леса / перевод Сандра Савгильды // Чувашский рассказ. Том 1. Дети леса. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2016. С. 7–15.

торы связанных с национальной проблематикой, в том числе «постколониальных», штудий, популярность которых растет на бывшем советском пространстве, занимаются в первую очередь преодолением имперских тенденций XX в., очищением культурного восприятия от советской призмы дружбы народов, открытым разговором о конфликтных моментах межэтнической истории. И хотя постколониальные исследования не являются пока мейнстримом российского литературоведения⁵, тем не менее, их терминология кажется нам интересным инструментом для анализа современной русскоязычной литературы, связанной с национальной темой.

Живущий в Москве русскоязычный писатель татарского происхождения Ш. Идиатуллин, пишущий о соседях татар марийцах, – очень показательный пример автора, находящегося и внутри, и вовне культурной парадигмы, что также вписывается в теоретические представления постколониальных штудий. Его ситуация довольно типична: вместо национальной темы, широко представленной в советском культурном пространстве, в современной литературе, известной на федеральном уровне, развивается регионалистская линия. Д. Осокин в Поволжье, А. Иванов на Урале пишут о народах, с которыми себя не отождествляют, и даже скорее о целых регионах, которые эти народы населяют. Г. Яхина, начавшая с близкой ее семье татарской темы («Зулейха открывает глаза»), впоследствии расширила свой взгляд, охватив в следующих романах «Дети мои» и «Эшелон на Самарканд» проблемы разных народов Поволжья. Ш. Идиатуллин следует похожим путем: от национальной проблематики [Шаряфетдинов, 2021; Чугунов, 2020] более ранних романов, таких как «Убыр» (2012–2013) или «Город Брежнев» (2017), к более широкому охвату романа «Последнее время». При этом тема соседнего народа в границах одной страны позволяет современным русскоязычным авторам косвенно высказаться и о своем этносе.

Наиболее очевидный слой романа «Последнее время» демонстрирует потерю независимости марийцами, пострадавшими от воинственных кочевников. Таким образом, демонстрируется, что и до завоевания Казанского ханства Иваном Грозным на этой территории происходили серьезные конфликты. Однако в романе, как мы намерены показать далее, раскрыт и гораздо более современный слой. «Кочевники» одновременно становятся и угнетенными (субальтернами в терминологии постколониальных исследований [Spivak, 1988]), и угнетающими.

Интерпретация романа значительно выиграет, если перевести на русский язык использованные автором марийские слова и (что для Ш. Идиатуллина явно значимо) тюркские, в том числе татарские, заимствования в марийском. *Ял* – по-марийски деревня, *патор* (*Патор-утес*) – богатырь, *Чени* – цыпленок (подчеркивается принадлежность героини с этим именем к «птичьему» роду фантастического племени), все это заимствования из чувашского языка, родственного татарскому [Федотов, 1990, с. 207, 274, 286]. *Тимерче* значит кузнец, это тюркское

⁵ И. Кукулин пишет: «Сегодня выражение “советский колониализм” является уже относительно устоявшимся» [Кукулин, 2020, с. 414], однако его статья посвящена скорее социально-культурным и политическим, чем чисто эстетическим вопросам. Б. Калнач отмечает «некоторые сомнения в прибалтийском научном сообществе», через которые прошли ученые при употреблении термина «постколониализм» [Калнач, 2020, с. 259]. В российском обществе он, безусловно, воспринимается еще более неоднозначно.

слово. *Арвуй-кугыза* – «жрец-старик», оба слова марийские. *Айви* и *Сылвика* – дохристианские марийские имена тюркского происхождения [Егоров, 1986, с. 99]⁶: *ай* – тат. луна, см. «лунный», холодный характер героини; *сылу* – красивая.

Один из важнейших героев романа – мальчик-степняк Кул, живущий в плену у мары. Про его имя в тексте романа прямо говорится, что это заимствование из родного языка персонажа, означающее раба⁷. Что же это за язык, из которого марийцы заимствовали слово *кул*? Ответ лежит на поверхности для того, кто знаком с татарским языком и культурой, и совсем не очевиден для среднестатистического читателя русскоязычной литературы: это татарский. Кула сопровождают татарские реалии. Так, шарики высушенного овечьего творога, которые он готовит, чтобы они были такими же, как в его детстве, – это татарское блюдо *корт*. Столь же ясно, что татарские корни у другой центральной героини романа – Кошше. На теле она носит одеяние баулы, составленное из лоскутков, перевязанных веревками (тат. *бау* «веревка, завязка», *баулы* – имеющий много веревок, завязок).

Что за кучники-степняки захватили земли мары в реальной истории? Слово *кучник* образовано от татарского *куч*- «передвигаться, кочевать». И если знать об этом, многое в романе становится понятнее: автор пишет о своем народе и о кризисных чертах его современного самосознания. Ясно, почему при перенесении в апокалиптическое «последнее время» герои, имеющие прототипами татар (Кошше и Кула), теряют связь с корнями, почему мальчик-раб, выращенный чуждым его культуре народом и замерший на стыке культур, становится по сути центральным персонажем (с него начинается повествование и им оно заканчивается), почему он так морщится именно от свинины, когда Кошше и Хейдар хотят его угостить, хотя у мары запрещено почти любое мясо (автор снова «нарушает правила» и сквозь века протягивает руку своему народу). Гораздо яснее выступает в таком случае архетипический мотив Кошше-матери, связанный с национальным началом. Как и у Г. Яхиной в романе «Зулейха открывает глаза», мать и сын – базовая пара, начало нового отсчета для народа. Однако радужное будущее в романе очень условно, поскольку в уме мы постоянно держим проекцию на современность: этого будущего в нашей, читательской реальности еще не существует. Другой сын народа, Кул, оказался на воспитании у чужаков, матери у него нет. Или есть?..

Образ Кула во многом совпадает с образом сына Кошше, спасению которого посвящена ее сюжетная линия. Можно сказать, что судьба раба Кула – это неудачный вариант жизни сына Кошше, который мог бы реализоваться, если бы мать его не освободила. Кошше, сама не зная почему, говорит Кулу, как своему сыну: «Мальчик, спать!» В финале она поет песню своему ребенку, а слышит ее Кул⁸. Его истинное имя Акогоыл – белый сын по-тюркски, а имя Ош, которым

⁶ См. также: Черных С. Я. Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 1995. С. 423.

⁷ Возможно, это еще и игра с образом раба Куллерво из «Калевалы», судьба которого во многом пересекается с историей Кула.

⁸ См. очень похожий мотив приемной матери Фатимы и ее колыбельной, которую слышит и относит к себе герой-сирота Деев в романе «Эшелон на Самарканд» Г. Яхиной, а также сложный мотив родительства в ее романе «Дети мои».

представляется ему Кошше, значит по-марийски «белый», так что закрадываются подозрения насчет родственной связи этих двух героев, которая, однако, потеряна, разорвана.

Мотив потери корней, языка, народа для современных писателей, связанных с региональной и национальной темами, – один из центральных. Ш. Идиатуллин в эссе «Правила воспитания», написанном для сайта об образовании и воспитании «Мел», высказывается, в том числе, о судьбе татарского языка и татарской культуры в своей семье: «У сына богатый, но пассивный словарный запас. Он поймет практически все, а вот говорить не сможет. Я говорить могу немножко смелее; книги и статьи на татарском читаю. Моей задачей, помимо прочего, было, чтобы дети не стеснялись своих татарских имен или смешной на русский слух фамилии». И далее: «...забыть язык, особенно если изначально это твой родной язык, на котором говорили твои предки, и тогда от них отдаляться с этической точки зрения предательство, а с логической – глупость и расходование ресурсов»⁹. Писатель изучал татарский язык уже будучи взрослым, а его выросшие дети английский «знают примерно как русский».

В сегодняшнем мире это типичный ход развития языковой ситуации в семье. В романе Ш. Идиатуллина «Последнее время» постоянно звучит лейтмотив забытого родного языка и его трепетной важности для героев. Воительница Кошше пытается выкрасть у врагов своего сына – и те, желая отвлечь ее от того, от чего отвлечь невозможно, – от инстинкта матери – манят героиню на родном языке, про который она думала, что уже забыла его. Примерно так же обстоят дела с родным языком у соплеменника Кошше – Кула, воспитанного чужим народом. Язык он «помнил, узнавал, а не знал», «каждое слово распаховалось и показывало значение после короткой заминки». И когда Кул встречает своих соплеменников, он понимает язык старика-кучника. Кошше в очередной раз приходит за сыном, и он спрашивает ее на «франкском» (в восточной традиции франки – общее наименование западных европейцев): «Ты настоящая?» А она отвечает на родном: «Я твоя мама. Я за тобой. Айда». Автор добавляет к ее реплике как краску типично поволжское, хотя и в русском существующее «айда». В финале Кошше и ее мальчик остаются среди немногих выживших, она впервые поет ему колыбельную «на почти забытом языке», и это наконец-то, как пишет автор, не стараясь подобрать сложные определения, «хороший мир».

«Последнее время» – это не только Апокалипсис, конец света и конец народа, у этого словосочетания есть и еще одно значение: недавно. Его автор тоже явно имел в виду. «Не писать о современности – хуже чем ошибка, это преступление» – название одного из интервью писателя. Критика увидела в романе многочисленные приметы сегодняшнего дня: феминизм и *girl power*¹⁰, экологическое

⁹ Правила воспитания Шамяля Идиатуллина. «Избалованных мужиков растят женщины» // Мел. URL : https://mel.fm/pravila-vospitaniya/1368952-idiatullin_rules (дата обращения : 31.05.2023).

¹⁰ Жучкова А. Конец эона // Год литературы. 2020. 15 сентября. URL : <https://godliteratury.ru/articles/2020/09/15/bakhroma-knigi-o-kotorykh-vy-ne-slyshali-3> (дата обращения : 31.05.2023). Корнацкий Н., Уваров С. Смешать и взболтать: Бонд для детей, чертовщина – для взрослых // Известия. 2020. 29 сентября. URL : <https://iz.ru/1066481/nikolai-kornatskii-sergei-uvarov/smeshat-i-vzboltat-bond-dlia-detei-chertovshchina-dlia-vzroslykh> (дата обращения : 31.05.2023).

сознание и *back to the roots*¹¹, карантин и «последние времена» пандемии¹². Но и языковая тема в романе, проблема потери языка для Ш. Идиатуллина явно современная и болезненная.

Созданный им художественный мир – одновременно и фантастический, и реальный. Карта, помещенная в начале книги, – это перевернутая на 90 градусов карта Европы, автор намекает, что это та же реальность, только «с другого бока», одновременно заигрывая с классическим толкиновским фэнтези, обязательной принадлежностью которого была карта в начале повествования. Персонажи живут одновременно в Новое время, в позднее Средневековье и в эпоху Великого переселения народов, а по языку они наши современники.

В сцене финальной битвы Кул оборачивается на старейшину мары Арвуйкугызу, символически горящего на утесе, как факел, и вдруг понимает: «Ему страшно больно, уже давно. Он же горит заживо». Символ обретает плоть, жрец-старик жертвует собой ради спасения оставшейся группы мары. Читатель, знакомый с этнической проблематикой в современной России, не может не вспомнить в связи с этим о родстве марийцев и удмуртов и о трагическом самоожжении удмуртского активиста, совершенном в сентябре 2019 г. как отчаянный жест в поддержку своего языка¹³. Именно после этой сцены в романе следует отмеченная критикой мораль: «Народ рождается медленнее, чем человек, живет дольше, чем человек, а умереть может так же, весь и сразу, а может и по-другому, постепенно растворившись в другом народе. И даже не понимая, что уже умер. Иногда трудно отличить жизнь от смерти. А иногда и не надо стараться их отличать. Надо просто делать, что нужно твоему народу, – и быть рядом с твоим народом».

Сравним эту тематику и тональность с темой и тоном плаката, с которым вышел на свой последний пикет А. Разин. На нем была напечатана цитата из стихотворения Р. Гамзатова: «И если завтра мой язык исчезнет, / то я готов сегодня умереть».

Таким образом, к наиболее явному слою романа, согласно которому мары (марийцы) попадают в зависимость от неизвестных кочевников, добавляются еще два не столь очевидных. Во-первых, автор осмысляет собственный этнос в качестве народа-завоевателя, разрушившего основы чужой культуры. Во-вторых, через тему последнего времени как современности вносится контекст метрополии с ее влиянием на судьбу разных миноритарных народов.

Эти дополнительные слои введены в роман загадками, намеками для посвященных, за счет этого создается простор для совершенно разных прочтений романа изнутри и снаружи описываемых культур. Лингвистический комментарий мог бы и не пригодиться, если бы автор, подобно Г. Яхиной в романе «Зулейха открывает глаза», снабдил текст словариком, но Ш. Идиатуллин ведет причудливую постмодернистскую игру смыслов, одновременно, подобно А. Иванову в

¹¹ Чанцев А. Случилась экология // Textura. 2020. 16 сентября. URL : <http://textura.club/sluchilas-ekologiya/> (дата обращения : 31.05.2023).

¹² Визель М. Пять книг для бабьего лета (и не только) // Год литературы. 2020. 25 сентября. URL : <https://godliteratury.ru/articles/2020/09/25/piat-knig-dlia-babego-leta-i-ne-tolko> (дата обращения : 31.05.2023).

¹³ Последний аргумент в длинном споре // Медуза. 2019. 19 сентября. URL : <https://meduza.io/feature/2019/09/19/posledniy-argument-v-dlinnom-spore> (дата обращения : 31.05.2023).

«Сердце Пармы» и «Золоте бунта», создавая ощущение Иного на языковом уровне.

Неопределенность, игровое начало мешают увидеть авторскую позицию, однако этот текст, воспринятый критикой как книга о марийцах, на самом деле во многом о татарах и татарском патриотизме. Так, Кошше в начале книги названа Кошчы, это исходная форма ее имени, и эта же форма используется в тексте, когда Кошше воспринимается глазами своего соплеменника (родственника? сына?) Кула. В переводе с татарского *Кошчы* – это птичник, птицевод, и поскольку мары происходят, по сюжету романа, от птичьих родов, одно с другим, вероятнее всего, прямо связано, главенство кучников явно констатируется.

Помимо уже упомянутой морали, которую можно воспринять как внутренний монолог Айви, в финале романа есть еще один фрагмент общих рассуждений, связанный с образом Кула. Волга, которая на протяжении всего романа называлась по-марийски *Юл*, после финальной битвы носит «единое истинное», а именно тюркское название *Итиль*. «Народ без достоинства не заслуживает внимания», – рассуждает Кул о мары.

Тем не менее, современный дискурс удерживает нас от однозначной интерпретации авторских симпатий. Нахождение автора на периферии, в спектре гибридных форм культуры позволяет ему искать точки, в которых возможно понимание разных позиций. Многие его герои не имеют абсолютно однозначной национальной идентичности. Разрывается между колдунами-мары и степняками Кул. Айви временами завидует «шестипалым» (германским народам): семья у них постоянна, а любовные союзы не распадаются сразу после физического единения. Ее возлюбленный Познай уходит из племени, «предает» «свой народ ради чужого народа, далекого и незнакомого». Это герои предпоследнего времени, уже ощущающие будущий слом, крах родной культуры. Тот же сюжетный ход отрыва от национальных корней, имеющий, однако, позитивные последствия, видим в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»: только оказавшись разлученными с родной культурой, героиня и ее сын обретают к ней подлинный интерес [Савельева, 2015], действует система притяжения-отталкивания. Подобные многозначительные противоречия находим в современной литературе на национальные темы на разных уровнях: языковом, сюжетном, уровне системы персонажей и др.

Выводы

Итак, мы видим, что национальная проблематика, рассмотрение которой намечено уже в более ранних романах Ш. Идиатуллина [Шаряфетдинов, 2021; Чугунов, 2020], в романе «Последнее время» становится более глубокой, освещается с позиции Другого (в терминах теории постколониализма). Мотив потери корней, языка, народа раскрывается и с позиции завоевателей (угнетающих), и с позиции завоеванных (угнетаемых). Это вполне соответствует общим тенденциям развития этнической темы в современной русскоязычной литературе. Важной линией в ней представляется интерес к регионализму, соседним народам, система взаимоотражений, нахождение себя на периферии чужого, поиск родного в чужеродном, внимание не только к чертам сходства, но и к острым конфликтам, обретение в этом процессе себя.

Список литературы

1. Егоров Н. И. Женские личные имена низовых чувашей-язычников // *Культура и быт низовых чувашей*. Чебоксары, 1986. С. 88–104. EDN ZBTVMB
2. Калначс Б. Латвийский мультикультурализм и постколониализм // *Новое литературное обозрение*. 2020. № 6. С. 258–271. EDN: FHJQAS
3. Кукулин И. Русская литература во главе «младших братьев» (эпизод из новейшей истории российского школьного образования) // *Новое литературное обозрение*. 2020. № 6. С. 414–429. EDN: OHGGYM
4. Савельева М. С. Утверждение через отрицание // *Октябрь*. 2015. № 12. С. 132–136. EDN: SOLQOP
5. Савельева М. С. Проблема этнической неопределенности в современной русской литературе (на примере романа Шамиля Идиатуллина «Последнее время») // *Человек в условиях неопределенности*. Самара, 2022. С. 291–295. EDN: SVPXKO
6. Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск : Издательство Саратовского университета, Саранский филиал, 1990. 336 с.
7. Чугунов А. С. Проблема национальной идентичности в романе Ш. Идиатуллина «Город Брежнев» // *Казанская наука*. 2020. № 6. С. 19–22. EDN: YNHVUA
8. Шаряфетдинов Р. Х. Образ ребенка в изображении мифологии татарского народа в русскоязычном романе «Убыр» Ш. Идиатуллина // *Научный Татарстан*. 2021. № 2. С. 59–63. EDN: VVCCTC
9. Spivak G. “Can the Subaltern Speak?” // *Marxism and the Interpretation of Culture*. Basingstoke : Macmillan, 1988. P. 271–313.

References

1. Egorov, N. I. (1986). *Zhenskie lichnye imena nizovykh chuvashei-iazychnikov*. *Kul'tura i byt nizovykh chuvashei*, 88-104. EDN: ZBTVMB.
2. Kalnacs, B. (2020). Latvian multiculturalism and postcolonialism. *New literary observer*, 6, 258-271. EDN: FHJQAS.
3. Kukulin, I. (2020). Russian literature at the head of “younger brothers” (an episode of contemporary history of russian school education). *New literary observer*, 6, 414-429. EDN: OHGGYM.
4. Savelyeva, M. S. (2015). *Utverzhdenie cherez otritsanie*. *Oktiabr*, 12, 132-136. EDN: SOLQOP.
5. Savelyeva, M. S. (2022). The problem of ethnic uncertainty in modern Russian literature (based on Shamil Idiatullin's novel «Last times»). *Chelovek v usloviakh neopredelennosti*, 291-295. EDN: SVPXKO.
6. Fedotov, M. R. (1990). *Chuvashsko-mariiskie iazykovye vzaimosviazi.*, 336. Saransk: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, Saranskii filial.
7. Chugunov, A. S. (2020). The problem of national identity in the novel by Sh. Idiatullin “Gorod Brezhnev”. *Kazan science*, 6, 19-22. EDN: YNHVUA.

8. Shariafetdinov, R. Kh. (2021). The image of a child in the depiction of the mythology of the Tatar people in the Russian-language novel “Ubyr” by Sh. Idiatullin. *Nauchnyi Tatarstan*, 2, 59-63. EDN: VVCCTC.

9. Spivak, G. (1988). Can the Subaltern Speak? *Marxism and the Interpretation of Culture*, 271-313.